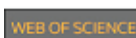

Мелихов М. В. Образ защитника веры и отечества в повестях Азовского цикла / М. В. Мелихов // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 161—172. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-161-172.

Melikhov, M. V. (2019). Image of the Defender of Faith and Fatherland in the Tales of the Azov Cycle. *Nauchnyi dialog*, 12: 161-172. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-161-172. (In Russ.).

УДК 821.161.1“16”+82-94

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-161-172

ОБРАЗ ЗАЩИТНИКА ВЕРЫ И ОТЕЧЕСТВА В ПОВЕСТЯХ АЗОВСКОГО ЦИКЛА

© Мелихов Михаил Васильевич (2019), orcid.org/0000-0003-4217-8280, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина» (Сыктывкар, Россия), melikhovm@mail.ru.

Исследуются традиционные и оригинальные особенности сюжетного построения и системы образов цикла повестей о завоевании запорожскими казаками турецкой крепости Азов в 1637 году и об их «сидении» в осаде в 1641 году. Анализ текстов показал, что для них характерно еще большее, чем для воинских повестей древнерусской литературы, пристрастие к цифровым данным о количестве вражеских войск, к детальным техническим сведениям об их вооружении. Наблюдения над текстами показали, что значительно меньше в повестях и ключевых для воинской повести батальных сцен, прежде всего — поединков, не упоминается в них практически и о традиционных для воинского повествования сражениях при помощи холодного оружия. Рассмотрены отличия в системе образов Азовских повестей (казачков и их врагов) от древнерусских воинских повестей в характеристиках событий, деталях воинского быта и батальных сценах. Установлено, что авторы Азовских повестей ставили своей целью создание тенденциозного беллетризованного повествования, в котором реальные факты свободно интерпретировались, соединялись с фольклорными мотивами, с немногочисленными лексическими и ситуативными формулами воинских повестей и вымышленными эпизодами.

Ключевые слова: Азовский цикл; донское казачество как герой; трансформация жанра воинской повести; батальные формулы; провиденциализм; тенденциозность информации; публицистичность; историзм.

1. История изучения повестей Азовского цикла

Три повести Азовского цикла (условно их принято называть «Исторической», «Поэтической» и «Сказочной») известны давно, с середины XIX века, и в силу своей необычной сюжетной занимательности они были в центре внимания многих исследователей. Об этих повестях писали А. С. Орлов [Орлов, 1906], А. Н. Робинсон [Робинсон, 1948; Робинсон, 1949], В. П. Адрианова-Перетц [Адрианова-Перетц, 1953], А. С. Демин [Демин, 1985, с. 88—108], М. Д. Каган [Каган, 1998а; Каган, 1998б; Каган, Каган, 1998в; Каган, 1998г] и др. Основательностью отличаются исследования А. С. Орлова: он провел исчерпывающий анализ всех известных ему списков повестей цикла, датировал их, распределил по редакциям, провел сопоставление с казачьими отписками и другими документами и, наконец, издал сами тексты по древнейшим рукописям. Классификация А. С. Орлова [Орлов, 1906а;

Орлов, 1906б] с уточнениями А. Н. Робинсона [Робинсон, 1949а; Робинсон, 1949б] не утратила значения и в настоящее время. Самая ранняя повесть цикла — «Историческая», написанная вскоре после взятия Азова казаками в 1637 году [Каган, 1998а, с. 63], последней была создана «Сказочная» повесть (1670—1680-е гг.) [Каган, 1998г, с. 70].

2. Постановка проблемы

А. С. Орлов и А. Н. Робинсон рассматривали в основном проблемы текстологии произведений, источники, достоверность и связи с предшествующей литературной традицией. А. С. Орловым был составлен своеобразный словарь *loci communes*, имеющихся в этих повестях [Орлов, 1902]. Исследователи доказали, что авторы повестей создавали свои произведения на основе обширного формульного багажа предшествующей эпохи, начиная с древнейших повестей XIII века и заканчивая повестями Смутного времени [Орлов, 1902, 1906а, 1906б; Робинсон, 1948, 1949а, 1949б]. Много общего с воинскими повестями предшествующей эпохи имеется и в приемах организации повествовательного материала, хотя есть и важное отличие: главный герой повестей не князь, а Войско Донское, сами казаки, поэтому произведения Азовского цикла ближе не к воинским повестям, а к историческим песням [Адрианова-Перетц, 1953, с. 86].

«Историческая» и «Поэтическая» повести — произведения, созданные в Донской войсковой канцелярии и отличающиеся, как считает А. Н. Робинсон, сугубой историчностью, почти документальной достоверностью в описании взятия Азова в 1637 году и «осадного сидения» в нем казаков в 1641 году [Робинсон, 1949, с. 196, 199 и др.]. Сведения, содержащиеся в них, сопоставлены А. С. Орловым и А. Н. Робинсоном с войсковыми отписками на царское имя и другими документами об азовских событиях. А. С. Орлов и А. Н. Робинсон доказывают [Орлов, 1906б, с. 85—89; Робинсон, 1949, с. 196], что содержащиеся в них факты частично подтверждаются документами канцелярии Войска Донского, но в то же время их авторам (особенно автору «Сказочной» повести) ближе фольклорные средства изобразительности и отдельные формулы древнерусской литературы [Орлов, 1902, с. 1 и др.; Робинсон, 1949, с. 239—240].

3. Особенности стиля повестей: фольклоризмы и канцеляризмы

Использование канцеляризов наряду с фольклоризмами в литературном произведении было широко распространено в демократической литературе XVII века. Писатели (чаще всего это были подьячие или писцы) создавали свою литературу, свой стиль, в котором активно использовали, кроме просторечных оборотов, канцеляризмы, фольклорные и книжные формулы [Робинсон, 1949, с. 195]. В соответствии с концепцией авторов повестей, время *гнева Божьего* на православные народы миновало и теперь *мечом Божьим* для неверных стали именно казаки, посланные *святую* <...> *православную христианскую веру вкоренити по-прежнему* [«Историческая» повесть ..., 1949, с. 48]. Именно эта мысль сформулирована в «Исторической» повести, есть она и во всех остальных произведениях цикла: *А егда же Богу изволиу, восхоте на них, окаянных, послати свой праведный гнев,*

и вложи волному казачеству, всему великому Донскому Войску, Бог ревность в сердце итти под град Азов и взяти его, и всю бусурманскую веру искоренити [Там же].

4. Оригинальность повестей Азовского цикла: образ коллективного героя

Оригинальность всех повестей цикла проявляется и в смещении смысловых акцентов по сравнению с воинскими повестями XIII—XVI веков, и в описании сражений, и в своеобразном понимании хода событий осады. Повести не являются беспристрастными источниками сведений о военных действиях, это литературные произведения с важными публицистическими задачами, которые ставят перед собой авторы: рассказать о подвиге героев-казаков, называющих себя *рыцарями Христовыми*. В задачи авторов не входит создание документальной хроники-дневника события, они не перечисляют факты ради сообщения исторических сведений, не придерживаются хронологической канвы, но в то же время не стремятся и к литературной стройности изложения.

Характерная черта каждой из повестей цикла — отсутствие образа главного героя: повествование в них всегда ведется от первого лица множественного числа. Героем, таким образом, становится все Войско Донское, все казаки, при этом практически никогда не рассказывается о ком-либо одном из них. Кроме того, в повестях вообще отсутствуют этикетные для воинских повестей описания поединков. Очевидно, что такое радикальное отступление от традиций воинского повествования (а описаниям поединков во всех повестях отводилось центральное место) необходимо объяснить. Создание собирательного образа Войска Донского — одна из характерных черт повестей, и этот образ создается по той же схеме, по которой строился образ главного героя воинских повестей предшествующей эпохи.

В произведении нашел отражение один из принципов «казачьей» демократии — принцип коллективизма. Войско Донское — новый для русской литературы тип «героя», которого невозможно представить в воинской повести. Так проявилась идеология особого типа сознания — сознания демократических слоев населения России, тех людей, с мнением которых не было принято считаться в официальной литературе, летописях и летописных повестях. Новые герои, *рыцари знатные, казаки избранные* [«Поэтическая» повесть ..., 1949, с. 65], заявляют о себе как о полноправных подданных *царя христианского царства Московского* [Там же, с. 66] и патриотах, что и доказывается самим текстом повестей: казаки принимают на себя миссию защитников христианства и освободителей православного мира от мусульманства. Сама же идея героя нового типа и технические приемы ее реализации сходны с приемами, используемыми в древнерусских воинских повестях о защитниках христианского мира, и соответствуют этикетной схеме, по которой создавался образ главного героя-князя в повестях предшествующей эпохи.

5. Особенность поэтики повестей: создание собирательного образа казака — защитника православия и России

Ни в одной из азовских повестей нет традиционного «высокого» героя-князя, повествование в них составлено из рассказов о подвигах Войска Донского, изредка

перемежающихся с эпизодами о героизме (как воинском, так и христианском, мученическом) отдельных казаков. Своеобразие героя повестей обусловлено иными, нежели в средневековой литературе Московской Руси, идеологическими, публицистическими и эстетическими принципами. Войско и атаман во всех повестях — это братство, единый организм, в котором одинаково важны все составляющие его компоненты. Атаман, выбранный Войском как его глава, всегда советуется со своими братьями-казаками, и в тексте нет упоминания о том, что именно атаман Михаил Иванов или кто-либо иной (например, казак из немцев Иван или есаул Иван Зыбин) сами, единолично, принимают решение. Этот факт, с одной стороны, отражает реальную ситуацию: он обусловлен укладом жизни Войска Донского и его главного органа — казачьего круга, с другой — свидетельствует о наличии в этих повестях иных эстетических принципов, чем в официальной литературе Московского государства с ее культом героической личности князя как спасителя государства.

О том, как именно было принято решение о выступлении казаков в поход на Азов, сообщает «Историческая» повесть: его принимает не атаман, а круг, Войско Донское, после молитвы Иисусу Христу и Богородице, и только тогда они *утвердишася сердцами своими во единой мысли, кликнуша вси равно усты своими о милости Божии* [«Историческая» повесть ..., 1949, с. 5]. Примеры конструирования образа коллективного героя рассмотрим далее в ходе исследования текстов повестей.

6. Элементы провиденциального сюжета и их функция

Принципы построения сюжетов повестей остаются традиционными: в них, как это было в воинских повестях, есть две сюжетные линии: провиденциальная и историческая, но приемы организации материала имеют ряд отличительных черт, характерных именно для повестей Азовского цикла. Провиденциальные элементы не вплетаются органично в сюжетную ткань (как это было в «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» или в «Казанской истории»), а выносятся за историческую сюжетную линию (как в «Сказании о Мамаевом побоище»). Эти эпизоды лишены красочности, беллетристической занимательности, они не детализированы, а схематичны, их цель — беспристрастная фиксация мистических «фактов», поэтому стиль автора достаточно скуп и благодаря этому убедителен, по своему месту в сюжете провиденциальные элементы ближе к чудесам в поздних русских житиях. В этом плане повести Азовского цикла менее оригинальны, чем «Повесть о взятии Царьграда турками» и «Казанская история», где была система профессионально исполненных в литературном плане эпизодов исторической и провиденциальной сюжетных линий, органично сплетенных в цельный сюжет произведения. Эпизод, относящийся к исторической сюжетной линии, в «Повести о взятии Царьграда турками» и «Казанской истории» практически всегда получал оценку в провиденциальной сюжетной линии: истинный смысл того или иного военного события выявлялся в одном, а иногда и в нескольких знаменаниях, дублировался ссылками на древние пророчества и дополнительно подкреплялся авторскими репликами [Мелихов, 2018, с. 43—50, 61].

Интересны эти произведения и в плане смены художественных средств, использованных для воссоздания картины военных действий первых десятилетий XVII века, причина — серьезные трансформации в образной системе произведений с воинским сюжетом. Изменилась тактика ведения войн: холодное оружие (мечи, копья) интенсивно вытесняется огнестрельным (пушки, пищали), потому теряют актуальность и зрелищность рассказы о поединках противников. В этом плане переходными были «Повесть о взятии Царьграда турками» и «Казанская история», где наряду с рассказами об отважных русских и татарских воинах имеется множество эпизодов, описывающих эффективность артиллерии при осаде городов. В «Повести о взятии Царьграда», например, своеобразным «героем» эпизодов была огромная осадная пушка турок, ядро которой «в пояс» человеку. Эпизоды о пушке вводят в текст тему предопределенности и неизбежности гибели города: именно она разбивает стену, когда городу по Божьему Суду вынесен окончательный приговор и храм св. Софии покидает его ангел-хранитель [Мелихов, 2018, с. 41, 46]. Все эти эпизоды органично входят в провиденциальную сюжетную линию.

7. Этикетные воинские формулы и причины их модернизации

Примером принципиальных отклонений от этикета воинских повестей могут послужить несколько сюжетных ситуаций, в которых рассказывается об использовании в сражении традиционного средневекового оружия — мечей, сабель, ножей и луков. По нашему мнению, именно эти ситуации с наибольшей очевидностью свидетельствуют о естественной смене ряда формул средневекового воинского повествования.

Рукопашные схватки во время осады города, как свидетельствуют материалы повестей, происходят крайне редко по причине своей незначительности и неэффективности в ситуации, когда врагов в десятки раз больше, чем казаков. Описания таких боев не развернуты, лаконичны. Как уже отмечалось выше, в рассказах о штурмах Азова почти не упоминается о поединках — обязательных элементах воинских повестей «рыцарской» эпохи, что отличает азовские повести от образцовых произведений этой жанровой разновидности — «Повести о взятии Царьграда» и «Казанской истории». Занимательность сюжета придают эпизоды, рассказывающие об изобретательности осажденных казаков, которые, проявляя недюжинные воинские таланты, сражаются с многократно превосходящим врагом не числом, а умением. Более детальны в рассказе об осаде «Поэтическая» и «Сказочная» повести, в которых, в отличие от «Исторической» повести, намного больше подробностей и часто рассказывается о воинских хитростях осажденных, например, о тайных укрытиях, в которых при обстрелах казаки прячутся, а во время приступа к городу делают внезапные вылазки. Коварство казаков, как и их умение обезвреживать турецкие мины и ставить свои, вызывали гнев и возмущение у свидетеля осады — турецкого историка Эвлии Челеби [Челеби, 1979, с. 31, 32, 33].

Менее правдоподобен, но более занимателен рассказ о взятии Азова в «Сказочной» повести, о том, как казаки пробираются в город обманом: несколько человек переодеваются «торговыми людьми», собирают большой обоз, 400 воинов

прячутся в телегах под поклажей и по команде захватывают крепость [«Сказочная» повесть, 1949, с. 87]. Во время осады казаки постоянно придумывают разные воинские хитрости, неумолимо истребляя своих врагов: они минируют подступы к крепостным стенам и взрывают мины во время штурмов [«Поэтическая» повесть, 1949, с. 74, 75; «Сказочная» повесть, 1949, с. 100], ночью переодеваются в турецкое платье, делают вылазку во вражеский лагерь, убивают крымского царя Старчия и множество турок, захватывают семь знамен и другие трофеи [«Сказочная» повесть, 1949, с. 90, 97, 101]. К сожалению, источников, которые к настоящему времени известны, недостаточно для того, чтобы отделить реальные факты от вымысла, и если информация об установке казаками мин подтверждает Эвлия Челеби (см. выше), то сведений о диверсии в турецком лагере в его записях нет.

С наибольшей очевидностью отступления от этикета средневековой литературы в повестях Азовского цикла проявляются при описании оружия турок и казаков. Основной вид личного оружия в XVII веке — сабли, которые пришли на смену основному оружию средних веков — мечам. Именно сабли и упоминаются всегда при рассказе о военных действиях в тех случаях, если речь идет о рукопашных схватках, которые имели место, когда казаки ходили на вылазки или когда сражение достигало крайней степени ожесточенности. Обычным для средневековой литературы было описание военных событий, в которых герои активно применяли разные виды холодного оружия и оружия дальнего действия — луки и (при осаде городов) пороки. Сабли, копыя и ножи упоминаются в основном в самой «художественной» повести цикла — «Сказочной» — в обычных для воинского повествования ситуациях. Азов казаки берут хитростью: одни переоделись купцами, другие — спрятались с оружием в повозках, ночью все объединились и действовали только «этикетным» оружием воинских повестей — саблями и копыями: турок «колнут копыями, аки свиней, секут, аки овец» [Там же, с. 90]. Саблями казаки избивают и «полон» — захваченных в плен во время боевых действий турок [Там же, с. 86, 99, 107]. Ножам казаки во главе с атаманом Зыбиным «снимают» часовых, когда проводят вылазку в турецкий лагерь [Там же, с. 102]. И, наконец, дорогое оружие, в числе которого и сабли, достаются казакам наряду с прочими трофеями после успешного бегства турок из-под Азова [Там же, с. 111].

Устойчивые формулы предшествующей эпохи, ключевым образом которых был меч, в повестях Азовского цикла встречаются редко. Например, в «Исторической» повести употреблена одна из таких формул метафорического плана — *под меч преклонить* ('завоевать, уничтожить') по отношению к туркам. Используя это выражение, казаки формулируют цель своего похода на турок, свою «историческую» миссию казачества — они намереваются *под меч подклонити* турок как исконных врагов христианства [«Историческая» повесть, 1949, с. 50, 51, 53, 55], и только один раз эта формула применена к русским — в описании бедствий, которые претерпевала Русь от Турции [«Историческая» повесть, 1949, с. 52].

Варианты этой воинской формулы введены автором-повествователем в две традиционные для средневековых воинских повестей ситуации — видение и чудо. Казакам, уставшим от непрерывных штурмов города и уже начинающим терять

надежду на успех, явилась Богородица и утешила их, сообщив: ... *не поаст вас николи бусорманский меч* [«Поэтическая» повесть, 1949, с. 79]. В традиционном для воинских повестей ключе рассказывается и о чудесной помощи казакам их небесных покровителей — святых братьев Бориса и Глеба, — о чем им сообщили пленные турки: страстотерпцы даже рассекали своими мечами врагов пополам [Там же, с. 79]. Возможно, что для рационалистически настроенного автора традиционная для воинских повестей батальная формула рассекания врага пополам в поединке была допустима только в «чуде»: святые богатыри-князя Борис и Глеб мечами, как рассказывали пленные турки, *пластали их в збруях наших надвое* [Там же, с. 80].

Практически во всех средневековых воинских повестях упоминаются в качестве серьезного оружия дальнего действия луки. В повестях Азовского цикла и турки, и казаки редко используют их по назначению. Луки употребляются в основном как средство передачи грамот от турок к казакам и наоборот. В «Поэтической» повести турки первыми отправляют грамоту с предложением мира и почетной капитуляции, но казаки единогласно (что подчеркивается местоимением *мы*: *мы к ним напротив пишем* ...) отвечают посланием с отказом [Там же, с. 77, 78]. В «Сказочной» повести также упоминается об отправленной турками стреле с грамотой в осажденный город [«Сказочная» повесть, 1949, с. 107]. Возможно, что данный эпизод основывается на реальном факте, но проверить достоверность информации невозможно. Сходный эпизод имеется в «Повести временных лет» (988): в грамоте, отправленной с помощью лука на стреле, грек Анастас сообщил осадившему Корсунь князю Владимиру, что город можно захватить быстрее, если разрушить водопровод, и указал, в каком именно месте нужно сломать трубы [Повесть временных лет, 1978, с. 124].

Отметим, что в центре внимания авторов повестей при создании батальных сцен находилось огнестрельное оружие, которое во всех битвах за город играло решающую роль. Именно благодаря умелому владению всеми видами этого оружия, а также прекрасному знанию минного дела и специфической тактике «окопной» войны казаки и отстояли Азов. Эти таланты осажденных высоко оценивались, как с ненавистью отмечал Эвлия Челеби, и турками [Челеби, с. 33, 34]. Все описания действия огнестрельного оружия, сохранившиеся в повестях, сделаны специалистами, хорошо разбиравшимися в разных видах передового (для того времени) вооружения. В повестях сообщается и о наименованиях артиллерийских орудий, и об их калибре, причем сведения о тактико-технических характеристиках вооружения врагов даны достаточно профессионально, почти всегда называется даже количество пушек и пищалей, участвовавших в обстреле города в то или иное время [«Поэтическая» повесть, 1949, с. 60].

Характеризуя многонациональный состав турецкого войска, автор «Поэтической» повести тщательно перечисляет и новые для первой трети XVII века специальности (сапер, минер, артиллерист и др.), которые могли быть известны только профессиональному военному. Эта справка содержит не поэтическую, а техническую, выраженную в цифрах и военных терминах информацию. Безусловно, авторы всех повестей цикла свою главную задачу видели, как уже было сказано

выше, в составлении своеобразного беллетризованного отчета о проделанной ими в качестве защитников православия и патриотов России ратной работе по истреблению врагов православия. Насколько точны эти цифры, можно только догадываться: *А с пашами было наемных людей немецких 2 полковника, а с ними 6000 салдатов. Да с теми ж пашами было для приступных промыслов многие немецкие люди-городоумцы, приступные и подкопные мудрые вымысленики, славные многих государств измышленики: гишпане, из Виницеи великия, из Стеколныя и из Фрянцыи. То были они пинарицки, которые сделать умеют всякия приступныя мудрости и ядра чиненыя огненные, и ины которые мудрости умеют* [Там же]. Перечислив воинские специальности приведенных султаном иностранных наемников, автор переходит к характеристике турецкой артиллерии и выделяет как специальные осадные пушки (ломовые), так и обычные, с уточнением, что все орудия были снабжены цепями, чтобы их не похитили хитроумные казаки: *А снаряду было с пашами под Азовым пушек болиших ломовых 120 пушек. А ядра у них были велики, в пуд, и в полтора, и в два пуда ядро. Да мелково наряду было с ними всяких пушек и тюфяков 674 пушки, кроме верховых пушек огненных, а верховых с ними было 32 пушки. А весь наряд был прикован на цепях, бояся того, чтоб им на выласках, вышед, у них того снаряду не отбили и в город бы его не взяли* [Там же].

Такое внимательное отношение к вооружению и воинским специальностям врагов никогда не проявляли авторы русских воинских повестей. Конкретность, рациональность, деловитость, профессиональная (военная) подготовка выдают авторов: повести создавались или участниками событий, или людьми, близкими к ним. Поэтому большая часть батальных описаний сообщает новые сведения о военном деле того времени, возможно, использованные впервые для рассказа о конкретных боевых действиях, поскольку авторы произведений ориентировались не столько на этикет древнерусской литературы и литературные источники, сколько на суровый военный быт и на устные рассказы самих казаков. Информация о количестве врагов, штурмующих Азов (это не только турки, но и наемники-христиане), о мощи их вооружения выполняет в тексте две задачи: акцентирует внимание читателя на значимости крепости для Османской империи и, что более важно, на бесстрашии и отваге осажденных, не убоявшихся бесчисленных вражеских войск.

Все три повести доказывают читателям, что захват Азова — не обычный разбойничий набег «за зипунами», а продуманная военная и политическая акция патриотов-воинов, ревнителей православия, цель которой — присоединение города-крепости Азова к России.

8. Факт и вымысел в повестях Азовского цикла

Эвлия Челеби, турецкий путешественник, автор «Книги путешествия», описанию осады Азова турками посвятил часть первой главы своего сочинения. Но в ней не упоминается вообще о переговорах с осажденными, сама картина осады, воссозданная им, существенно отличается от той, что дана в русских повестях. Челеби, автор пристрастный, называет казаков «презренными кяфирами», характеризует

как разбойников, коварных, подлых и кровожадных, вести переговоры с которыми ниже достоинства правоверного мусульманина [Челеби, 1979, с. 28—36].

Эпизоды о переговорах казаков и турок в повестях созданы в полном соответствии с традициями воинского повествования, цель их — воссоздать картину переговоров двух равноправных и в дипломатическом, и в юридическом плане сторон. Турки обращаются к осажденным не как к разбойникам, не имеющим ни своего государства, ни государя, а как к равным себе воинам. Они пытаются убедить казаков сдать город на самых выгодных условиях и присылают парламентариев с предложением за денежное вознаграждение выдать трупы погибших при штурме турецких воинов. Гордые казаки разрешают собрать *побитой труп* и не берут с врагов *ни серебра, ни золота* [«Поэтическая» повесть, 1949, с. 72]. Выяснить, происходили такие переговоры между казаками и турками на самом деле или нет, в настоящее время невозможно. Так, Челеби сообщает, что турки не оставляли тела погибших на поле боя и для их переноски использовали пленных. В качестве трофеев они уносили и головы убитых казаков. Меркантильный историк в этом эпизоде сообщает и о воинском турецком обычае, в соответствии с которым имущество погибших «газиев» поступало в казну [Челеби, 1979, с. 34].

Скорее всего, «факты», приведенные выше — вымышленные, но для раскрытия истинного замысла произведения они были необходимы: казаки крайне нуждались в поддержке России и именно с этой целью могли ввести в свое произведение вымышленный материал, доказывающий, что даже турки считаются с ними.

9. Заключение

Концепция произведений Азовского цикла, когда события излагаются с претензией на достоверность и в определенной последовательности (например, битва, затем подсчет потерь, потом описание похорон погибших — как казаков, так и турок, и т. п.), служила авторам повестей Азовского цикла своеобразным камуфляжем, маскировкой, позволяющей вывести в них и нового героя — Войско Донское — и представить новое понимание его важной роли в борьбе с врагами православия и России. Все эти факторы сыграли решающую роль в смещении акцента с личности главы государства как главного героя произведения с воинским сюжетом на нового коллективного героя, что имело следствием совершенствование этикетных приемов воинского повествования и изобретение новых, оригинальных художественных деталей. Главное событие повестей цикла — справедливый и оправданный защитой интересов России поход Войска Донского на турок. Он является инициативой именно казаков, которые и становятся главными героями произведений. Мнение о России как о преемнице Рима и Византии после завоевания турками Константинополя в 1453 году было столетием ранее сформулировано в теории «Москва — третий Рим». Повести Азовского цикла, если их рассматривать в контексте данной теории, становятся произведениями, на исторически достоверных и вымышленных фактах доказывающими мысль о начале эпохи возмездия для исторических врагов христианства.

Источники и принятые сокращения

1. «Историческая» повесть о взятии Азова в 1637 г. / подгот. к печати А. Н. Робинсон // Воинские повести древней Руси / под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. — Москва ; Ленинград : Наука, 1949. — С. 45—56.
2. *Повесть временных лет* / подгот. текста О. В. Творогова, перевод Д. С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси / сост. и общей редакцией Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева. — Выпуск 1. — Москва : Художественная литература, 1978. — С. 23—278.
3. «Поэтическая» повесть об азовском осадном сидении 1642 г. / подгот. к печати А. Н. Робинсон // Воинские повести древней Руси / под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. — Москва ; Ленинград : Наука, 1949. — С. 57—82.
4. «Сказочная» повесть об азовском взятии и осадном сидении / подгот. к печати А. Н. Робинсон // Воинские повести древней Руси / под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. — Москва ; Ленинград : Наука, 1949. — С. 83—114.
5. *Челеби* Э. Книга путешествия / Э. Челеби // составитель и ответственный редактор А. Д. Желтяков, примечания и комментарии А. П. Григорьева, А. Д. Желтова. — Москва : Наука, 1979. — В. 2. — 288 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адрианова-Перетц В. П.* Повести XVII века и устное народное творчество / В. П. Адрианова-Перетц // Труды отдела древнерусской литературы. — Москва ; Ленинград : Наука, 1953. — Т. 9. — С. 67—96.
2. *Демин А. С.* Писатель и общество в России XVI—XVII вв. (Общественные настроения) / А. С. Демин. — Москва : Наука, 1985. — 352 с.
3. *Каган М. Д.* Повесть о Азове историческая / М. Д. Каган // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998а. — Ч. 3. — С. 63—64.
4. *Каган М. Д.* Повесть о Азове особая / М. Д. Каган // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998б. — Ч. 3. — С. 64—66.
5. *Каган М. Д.* Повесть о Азове поэтическая / М. Д. Каган // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998в. — Ч. 3. — С. 66—70.
6. *Каган М. Д.* Повесть о Азове сказочная / М. Д. Каган // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998г. — Ч. 3. — С. 70—71.
7. *Мелихов М. В.* «Мечом и глаголом» : героическая традиция в древнерусской литературе XII—XVII веков. / М. В. Мелихов. — Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2018. — 316 с.
8. *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) / А. С. Орлов — Москва : Императорское общество истории и древностей Российских при Московском университете, 1902. — 50 с.
9. *Орлов А. С.* Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение в 1641 г.). Тексты / А. С. Орлов. — Москва : Синодальная типография, 1906а. — 236 с.

10. Орлов А. С. Сказочные повести об Азове / А. С. Орлов. — Варшава : Варшавский учебный округ, 1906б. — 270 с.
11. Робинсон А. Н. Жанр поэтической повести об Азове / А. Н. Робинсон // Труды отдела древнерусской литературы. — Москва ; Ленинград : Наука, — 1949а. — Т. 7. — С. 98—130.
12. Робинсон А. Н. Комментарий географический и исторический / А. Н. Робинсон // Воинские повести Древней Руси / под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. — Москва ; Ленинград : Наука, 1949. — С. 306—331.
13. Робинсон А. Н. Повести об азовском взятии и осадном сидении / А. Н. Робинсон // Воинские повести Древней Руси / под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. — Москва ; Ленинград : Наука, 1949б. — С. 166—244.
14. Робинсон А. Н. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. / А. Н. Робинсон // Труды отдела древнерусской литературы. — Москва ; Ленинград : Наука, 1948. — Т. 6. — С. 24—59.

IMAGE OF THE DEFENDER OF FAITH AND FATHERLAND IN THE TALES OF THE AZOV CYCLE

© Mikhail V. Melikhov (2019), orcid.org/0000-0003-4217-8280, Doctor of Philology, professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pitirim Sorokin Syktyvkar State University" (Syktyvkar, Russia), melikhovm@mail.ru.

The traditional and original features of the plot structure and the system of images of the cycle of stories about the conquest of the Turkish fortress of Azov by the Zaporozhye Cossacks in 1637 and about their "sitting" under siege in 1641 are investigated. An analysis of the texts showed that they are characterized by an even greater addiction to digital data on the number of enemy troops and to detailed technical information about their weapons than for military texts of Old Russian literature. Observations of the texts showed that the battle scenes, key for the military story, and, first of all, the fights, are much less introduced in the narratives, and they practically do not mention battles using cold arms traditional for the military narrative. The differences in the system of images of the Azov stories (Cossacks and their enemies) from the old Russian military stories in the characteristics of events, details of military life and battle scenes are considered. It was established that the authors of the Azov novels set as their goal the creation of a biased fictionalized narrative in which real facts were freely interpreted, combined with folklore motifs, with a few lexical and situational formulas of military narratives and fictional episodes.

Key words: Azov cycle; the Don Cossacks as a hero; transformation of the military story genre; battle formulas; Providentialism; bias information; publicism; historicism.

MATERIAL RESOURCES

- Chelebi, E. (1979). *Kniga puteshestviya*, 2. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Robinson, A. N. (ed.) (1949). «Istoricheskaya» povest' o vzyatii Azova v 1637 g. In: Adrianova-Peretts, V. P. (ed.) *Voinskiye povesti drevney Rusi*. Moskva; Leningrad: Nauka. 45—56. (In Russ.).
- Robinson, A. N. (ed.) (1949). «Poeticheskaya» povest' ob azovskom osadnom sidenii 1642 g. In: Adrianova-Peretts, V. P. (ed.) *Voinskiye povesti drevney Rusi*. Moskva; Leningrad: Nauka. 57—82. (In Russ.).

Robinson, A. N. (ed.) (1949). «Skazochnaya» povest' ob azovskom vzyatii i osadnom sidenii. In: Adrianova-Peretts, V. P. (ed.) *Voinskiye povesti drevney Rusi*. Moskva; Leningrad: Nauka. 83—114. (In Russ.).

Tvorogov, O. V., Likhachev, D. S. (eds.) (1978). Povest' vremennykh let. In: Likhachev, D. S., Dmitriev, L. A. (eds.) *Pamyatniki literatury Drevney Rusi, 1*. Moskva: Khudozhestvennaya literature. 23—278. (In Russ.).

REFERENCES

- Adrianova-Peretts, V. P. (1953). Povesti XVII veka i ustnoye narodnoye tvorchestvo. In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury, 9*. Moskva; Leningrad: Nauka. 67—96. (In Russ.).
- Demin, A. S. (1985). *Pisatel' i obshchestvo v Rossii XVI—XVII vv. (Obshchestvennyye nastroyeniya)*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Kagan, M. D. (1998). Povest' o Azove istoricheskaya. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. XVII v., 3*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 63—64. (In Russ.).
- Kagan, M. D. (1998). Povest' o Azove osobaya. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. XVII v., 3*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 64—66. (In Russ.).
- Kagan, M. D. (1998). Povest' o Azove poeticheskaya. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. XVII v., 3*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 66—70. (In Russ.).
- Kagan, M. D. (1998). Povest' o Azove skazochnaya. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. XVII v., 3*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 70—71. (In Russ.).
- Melikhov, M. V. (2018). «*Mechom i glagolom*»: geroicheskaya traditsiya v drevnerusskoy literature XII—XVII vekov. Moskva; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russ.).
- Orlov, A. S. (1902). *Ob osobennostyakh formy russkikh voinskikh povestey (konchaya XVII v.)*. Moskva: Imperatorskoye obshchestvo istorii i drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom universitete. (In Russ.).
- Orlov, A. S. (1906). *Istoricheskiye i poeticheskiye povesti ob Azove (vzyatiye 1637 g. i osadnoye sideniye v 1641 g.)*. Moskva: Sinodalnaya tipografiya. (In Russ.).
- Orlov, A. S. (1906). *Skazochnyye povesti ob Azove*. Varshava: Varshavskiy uchebnyy okrug. (In Russ.).
- Robinson, A. N. (1948). Poeticheskaya povest' ob Azove i politicheskaya borba donsikh kazakov v 1642 g. In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury, 6*. Moskva; Leningrad: Nauka. 24—59. (In Russ.).
- Robinson, A. N. (1949). Kommentariy geograficheskoy i istoricheskoy. In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury, 6*. Moskva; Leningrad: Nauka. 306—331. (In Russ.).
- Robinson, A. N. (1949). Povesti ob azovskom vzyatii i osadnom sidenii. In: *Voinskiye povesti Drevney Rusi*. Moskva; Leningrad: Nauka. 166—244. (In Russ.).
- Robinson, A. N. (1949). Zhanr poeticheskoy povesti ob Azove. In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury, 7*. Moskva; Leningrad: Nauka. 98—130. (In Russ.).